

**В СЕРИИ «МИР ЛОЗЫ И КАМНЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

НЕВЕСТА

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ИСКРЫ ГАСНУЩИХ ЖИЛ

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА

КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

К. Демина

Хозяйка БОЛЬШОГО ДОМА

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Д 30

Демина К.

Д 30 Хозяйка большого дома / К. Демина, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 416 с. — (Мир лозы и камня).

ISBN 978-5-521-90737-3

Война между двумя нечеловеческими расами — альвами и железными оборотнями — перекроила мир и отняла у Ийлэ не только семью, но и веру в людей. В ее доме поселился новый хозяин. Он из рода псов, которых Ийлэ ненавидит. Еще бы, ведь ей пришлось несколько месяцев терпеть их издевательства! Тем более подозрительными кажутся ей доброта и забота Райдо из рода Мягкого Олова, который получил ее поместье в награду. Что ему нужно в доме Ийлэ: сокровища, которые свели в могилу ее родителей, а затем и их убийц, или она сама, упрямая альва, не готовая поверить, что из ненависти может родиться совсем иное чувство?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90737-3

© Карина Демина, текст, 2021
© Яна Цилибина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Младенца Райдо нашел на кухне.

Не спалось.

Давненько уже не спалось: ночью боль наступала. И порой Райдо казалось, что все его тело, и без того сшитое из лоскутов, вот-вот рассыплется. Он открывал глаза, пялился в потолок, по темноте серый, грязный и в разводах. Вытягивал руку, не то пытаясь дотянуться до этого потолка, не то просто убеждаясь, что еще способен шевелить руками. Малейшее движение отзывалось болью, и Райдо с непонятным ему самому удовлетворением изучал ее оттенки, гадая, когда же все закончится.

Доктора утверждали, что прогноз хороший и с наступлением зимы разрыв-цветок уснет, правда, когда Райдо спрашивал, а что будет весной, они отводили взгляд.

Бестолочи.

Он знал, что умрет, так какая разница? Зима, весна или вот осень...

Дожди седьмой день кряду. Райдо считает дни, зачеркивая их красным карандашом на обоях. Поначалу ему казалось, что он не протянет хоть сколько бы долго, но вереница крестов у кровати росла, и теперь Райдо нашел очередное развлечение — рассматривал их, пытаясь вспомнить день, который был скрыт за тем или иным крестом.

Получалось хреново.

У него всегда получалось хреново с памятью, а уж теперь, когда эта самая память здорово отравлена алкоголем...

...бутылка на полу.

Первое время Дайна ставила бутылку на столик, хороший столик, аккуратный, под белой скатеркой и кружевной салфеткой, которую Дайна старательно крахмалила, но от салфетки все одно тянуло щелоком и еще чем-то, что в безумной голове Райдо прочно увязывалось с госпиталем.

Дерьмо.

Полное.

Салфетку он сжег, и скатерть, и столик попытался, а вот бутылку оставил.

У кровати.

И сейчас он руку спустил, зашевелил пальцами, пытаясь нащупать горлышко.

Не давалась. А когда далась, паскудина этакая, то обнаружилось, что бутылка пуста. И от этой жизненной несправедливости Райдо взвыл.

Мысленно.

Быть вслух не позволяла гордость.

Зацепившись рукой за изголовье кровати, металлическое, витое и раздражавшее острым запахом холодного железа, который по дождям сделался особо резким, Райдо сел.

Голова кружилась.

Сколько он выпил? Много. Но недостаточно много, чтобы уснуть.

— Бутылка, — позвал Райдо, щурясь, — Ты где? Цып-цып-цып...

Должна быть. В комнате всегда имелся запас. Дайна следила, ставила где-нибудь поближе к кровати. И Райдо, опустившись на четвереньки, под кровать заглянул.

Пусто.

Ан нет, что-то виднеется под столиком. Далеко. И Райдо не дойдет. Или все-таки дойдет? Если на четвереньках... раз-два... стоять тяжело, и тело того и гляди разлезется. Но ничего, как-нибудь, пусть лучше разлазится с вискарем, чем без оного.

И эта бутылка оказалась пустой.

— Вот гадство, — сказал Райдо и добавил пару слов покрепче, потому как ситуация располагала.

Он поднялся, опираясь на несчастный столик. Комната качалась. Или Райдо качался?

Нажраться успел.

Матушке бы не понравилось. Матушка бы укоризненно покачала головой и, быть может, сказала бы, что Райдо следует взять себя в руки. Он и взял. И даже постоял, опираясь на подоконник, пялясь в окно. Темное. Рама белая, свежеевыкрашенная. А гарью тянет, но не от рамы — от стены...

...дом горел, ...давно, наверное, вечность тому, поскольку на войне время идет совсем иначе, но война позади и дом подлатали, прежде, чем вручить Райдо.

Законная награда.

И радоваться бы, а он чувствует шрамы, которые странным образом сродняют его и этот альвийский особняк. Но сочувствия не испытывает. Порой Райдо начинало казаться, что он вообще утратил способность испытывать какие-либо эмоции помимо раздражения, да и то постепенно утопал в море виски...

...да, о виски думать надо.

...о бутылках-бутылочках, которые прячутся на кухне, в погребе. Райдо точно знал, что виски Дайна запирает, не от него, но от Ната, который еще слишком молод, чтобы пить. Смешно. Воевать — не молод, а пить — увы...

...но Райдо знает, куда убирают ключ. И вообще, он хозяин в доме!

Дом был живым и тоже мучился болью, которую доставляли, что старые раны, что новые жильцы, не способные их зарастить.

— Весной я сдохну, — пообещал Райдо, проводя ладонью по шершавой стене. — А ты, напротив, оживешь. Я оставлю завещание, чтоб тебя подкормили... и вообще... к хрысевой матери все.

Дом молчал.

Спал уже? Если так, то ему повезло. Райдо тоже поспал бы, хотя бы пару часов, но для этого нужно виски, которое немного приглушит боль. И плевать, что и сон его будет пьяным, главное, что этот сон в принципе будет.

— Сейчас я соберусь с духом и дойду до двери.

Можно было бы кликнуть Ната. Он бы сгонял за виски, но Райдо только представил встревоженный взгляд мальчишки, в котором и страх, и надежда — интересно, на что он надеется? — и скрытая жалость. Жалости он не хотел.

Чего жалеть?

С каждым могло случиться... и жаль, что сразу не умер... был бы героем, а так... кто?

В затынутом дождями стекле отражался он. Герой? Тихий алкоголик, который живет от бутылки до бутылки. И ради бутылки. Вода размыва шрамы, и черты исказила, и Райдо провел по стеклу ладонью, а потом, влажной, пахнущей этим самым затяжным дождем, лицо отер.

Нет уж, пусть Нат спит, у него свои кошмары. А кошмары — дело личное, можно сказать, интимного свойства. И Райдо не настолько ослаб, чтобы до кухни не добраться...

...главное, ночной горшок не задеть, а то грохоту будет...

...тоже придумали, ночной горшок ставить...

...он не лежащий.

Пока.

Когда-нибудь, к весне ближе. Может, тогда и хватит силы духа избавиться и себя от мучений, и близких от невыносимого ожидания. Мысль о смерти была настолько притягательной, что Райдо остановился. А чего, собственно говоря, он тянет?

Ночь.

Тихая такая... спокойная. Подходящая для того, чтобы сдохнуть. Вот только...

— На хрен, — с чувством произнес Райдо, делая осторожный шаг в сторону двери. — Нажрись и отосплюсь. А там зима, слышишь ты, тварь?

То, что сидело внутри, прорастая, раздирая тело, точно оно не в достаточной мере разодрано было, не отозвалось. И ладно.

И к лучшему.

Когда оно отзывалось, Райдо приходилось закусывать руку, чтобы позорно не заорать...

...а сейчас орать нельзя. Разбудит.

Сейчас надо осторожно добраться до двери. И от двери до лестницы, которая вниз ведет... двадцать две ступеньки... что такое двадцать две ступеньки? На каждую у него слово найдется доброе, матерное... главное, чтобы шепотом, чтобы осторожно. И дом, решив подыграть, замирает. Не скрипят доски паркета, не вздыхают трубы, ветер, свивший в пустых каминах гнездо, и тот примолк. И ладно.

Некогда огромный холл в темноте выглядит бесконечным. Темные стены. Черные зеркала. А картин нет, сожгли. Это ж какими уродами надо было быть, чтобы сжечь картины? Райдо точно знает — были... он рамы нашел... и обрывок пейзажа... у себя спрятал.

Зачем?

А просто так. В детстве он камни красивые собирал. И осколки стекла. И прочий хлам, который тогда казался драгоценным, и теперь вот захотелось сокровищ...

Дайна сказала, что на чердаке сохранилась пара сундуков со старыми вещами, и надо бы их глянуть, разобрать, выкинуть ненужное, а Райдо запретил их трогать. Он бы сам добрался до чердака, но туда дальше, чем до кухни, а сил у него не так и много. Дом качает... укачивает... если прилечь, то и колыбельную споет. Райдо бы прилег, только ведь знает — не уснет.

Без виски.

Темный коридор.

И дверь приоткрыта. Аромат свежего хлеба и еще мяса, которое привозили тушами и разделявали тут же, на старой почерневшей колоде... молоко... ароматные травы.

Дождь.

Приоткрыто окно, должно быть, кухарка оставила, пытаясь избавить кухню от дыма, который пропитал здесь все: старая печь чадила, и дымоходы по-хорошему следовало бы почистить. Как-нибудь потом. Зимой, например.

Глядишь, зимой он и вправду немного оживет.

А сейчас Райдо, добравшись до окна — на подоконнике расплывалась темная лужа — прижался лбом к холодному стеклу.

Хорошо.

Дышать легко. Он и не понимал, насколько ему не хватало воздуха, и воды, пусть вода эта холодна, каждое прикосновение — почти ожог, но до чего хорошо.

И умирать он погодит.

Потянет еще немного, день или два... десять... сто... сколько получится, не ради себя, но ради таких вот мгновений, когда он, Райдо, чувствует себя почти живым. Присев, он коснулся пальцем лужи, провел по ней, ощущая и воду, и шершавую поверхность подоконника, обернулся.

И увидел младенца.

Точнее, Райдо не сразу понял, что это именно младенец, так, груды тряпья. Кухарка забыла? Она никогда и ничего не забывала, полнотелая розовая женщина до того плотная, что Райдо не мог отделаться от чувства, что собственная шкура ей тесна. Она носила серое платье и белые фартуки, которых было ровно семь штук, на каждый день недели — свой. По пятницам кухарка замачивала фартуки в щелоке, а по субботам — кипятила. Старую колоду перед рубкой мяса она обязательно обдавала кипятком, а стол скоблила с какой-то маниакальной страстью, и уж точно не стала бы оставлять на нем грязные тряпки.

От тряпок несло уборной, и запах этот, до того скрытый среди иных, обычных кухонных, вдруг стал резким. А Райдо подумал, что, наверное, ему мерещится. Предупреждали ведь, что разум его, затуманенный болью и выпивкой, способен играть злые шутки.